

Связь между типом межличностного поведения и стратегиями участников кибербуллинга: жертвы и свидетели

В.Л. Назаров

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина;
Институт развития образования Свердловской области,
Екатеринбург, Российская Федерация.
E-mail: v.l.nazarov@urfu.ru*

Н.В. Авербух

*Российский государственный профессионально-педагогический университет;
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация.
E-mail: natalya_averbukh@mail.ru*

А.В. Буйначева

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация.
E-mail: a.v.buinacheva@urfu.ru*

✉ v.l.nazarov@urfu.ru

Аннотация. *Введение.* При изучении кибербуллинга неизбежно возникают вопросы о том, из чего складываются стратегии его участников. Важно найти психологические особенности, с которыми связано такое поведение, чтобы сделать рекомендации для психологов и педагогов, занимающихся изучением кибербуллинга. *Цель* – установление связи между выбранной ролевой стратегией в кибербуллинге и типом межличностного поведения. *Методология, методы и методики.* Методология выстраивалась на основе деятельностной концепции, культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, теории деятельностного опосредствования межличностных отношений А. В. Петровского и теории ведущих тенденций Л. Н. Собчик, из которых следует опосредование внешних условий внутренними свойствами и состояниями личности. Была разработана анкета для изучения ролевых стратегий кибербуллинга, мотивации и противодействия. Анкетирование прошел 251 обучающийся 5–11 классов организаций основного общего образования. На той же выборке был проведен опросник диагностики межличностных отношений Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик. *Результаты.* Показана связь между выбираемой ролевой стратегией в кибербуллинге и типом межличностного поведения. *Научная новизна.* Впервые установлена связь между типом межличностного поведения и ролевой стратегией при участии в кибербуллинге в качестве жертвы и свидетеля, защищающего жертву. *Практическая значимость.* Результаты данного исследования могут быть основанием для разработки методических рекомендаций по профилактике кибербуллинга.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, внутришкольный кибербуллинг, внешкольный кибербуллинг, жертва кибербуллинга, свидетель кибербуллинга, стратегии участников кибербуллинга

Для цитирования: Назаров В.Л., Авербух Н.В., Буйначева А.В. Связь между типом межличностного поведения и стратегиями участников кибербуллинга: жертвы и свидетели. *Образование и наука*. 2025;27(1):130–167. doi:10.17853/1994-5639-2025-1-130-167

The relationship between interpersonal behaviour types and strategies employed by participants in cyberbullying: victims and bystanders

V.L. Nazarov

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation;*

Institute for Education Development of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russian Federation.

E-mail: v.l.nazarov@urfu.ru

N.V. Averbukh

*Russian State Vocational Pedagogical University,
Ekaterinburg, Russian Federation;*

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation.*

E-mail: natalya_averbukh@mail.ru

A.V. Buinacheva

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation.*

E-mail: a.v.buinacheva@urfu.ru

✉ *v.l.nazarov@urfu.ru*

Abstract. *Introduction.* In the examination of cyberbullying, it is essential to explore the strategies employed by its participants. Identifying the psychological characteristics associated with such behaviours is crucial for formulating recommendations for psychologists and educators engaged in the study of cyberbullying. *Aim.* The present study aimed to investigate the relationship between the selected role strategies in cyberbullying and the corresponding types of interpersonal behaviour. *Methodology and research methods.* The methodology was based on activity theory, L. S. Vygotsky's cultural-historical concept, A. V. Petrovsky's theory regarding the mediation of interpersonal relations through activity, and L. N. Sobchik's theory of leading trends. These theoretical foundations suggest that external conditions mediate the internal properties and states of an individual's personality. A questionnaire was developed to examine the role-playing strategies associated with cyberbullying, as well as the motivations and counteractions related to this phenomenon. The survey was administered to a sample of 251 students from grades 5 to 11 within basic general education institutions. A questionnaire designed for the assessment of interpersonal relationships, originally developed by T. Leary and subsequently adapted by L. N. Sobchik, was administered to the same sample. *Results.* The relationship between the selected role strategy in cyberbullying and the corresponding type of interpersonal behaviour is elucidated in this study. *Scientific novelty.* This research establishes, for the first time, a connection between the types of interpersonal behaviour and role strategies within the context of cyberbullying, particularly with regard to individuals assuming the roles of victims and bystanders who intervene to protect the victim. *Practical*

significance. The findings of this study may serve as a foundation for the formulation of methodological recommendations aimed at preventing cyberbullying.

Keywords: bullying, cyberbullying, school-based cyberbullying, non-school-based cyberbullying, cyberbullying victim, cyberbullying bystander, strategies employed by participants in cyberbullying

For citation: Nazarov V.L., Averbukh N.V., Buinacheva A.V. The relationship between interpersonal behaviour types and strategies employed by participants in cyberbullying: victims and bystanders. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2025;27(1):130–167. doi:10.17853/1994-5639-2025-1-130-167

Введение

При изучении кибербуллинга неизбежно возникают вопросы о том, из чего складываются стратегии его участников. Принимает ли жертва свою роль без сопротивления или защищается от травли? Каким образом осуществляется сопротивление? Пытается ли свидетель остановить травлю, и если да, то каким образом? С какими психологическими чертами связано то или иное поведение жертвы и свидетеля кибербуллинга? Важно найти психологические особенности, с которыми связано как конструктивное, так и деструктивное поведение, чтобы сформулировать рекомендации для психологов и педагогов, занимающихся изучением кибербуллинга.

Цель данного исследования состоит в установлении связи между выбранной ролевой стратегией в кибербуллинге и типом межличностного поведения.

Гипотеза исследования. Выбранная ролевая стратегия при участии в кибербуллинге связана с типом межличностного поведения, то есть существует связь между тем, как человек себя проявляет в общении: властным, агрессивным, скептическим, зависимым от других и т. п., и тем, какой стратегии поведения в кибербуллинге он следует, будучи свидетелем или жертвой кибербуллинга.

Научная новизна. Впервые установлена связь между типом межличностного поведения и ролевой стратегией при участии в кибербуллинге в качестве жертвы и свидетеля.

Ограничениями исследования являются:

1) субъективный характер получаемых данных (неизбежных при использовании анкеты в качестве основного инструмента);

2) сосредоточение внимания авторов на ситуации кибербуллинга в конкретной образовательной организации Свердловской области. Это ограничение, однако, имеет меньшую силу, чем в случае сбора статистической информации, так как математический метод корреляции позволяет переносить результаты с исследовательской выборки на генеральную совокупность.

Обзор литературы

Сегодня буллинг в детских сообществах является серьезной проблемой, грозящей, как показано в работе Д. А. Кутузовой, такими последствиями, как

психологические травмы, проблемы в личностном развитии жертвы, а также попытки суицида и осуществленные суициды [1].

В данной работе понятия «буллинг», «традиционный буллинг» и «школьная травля» будут использоваться как синонимичные, противопоставляемые кибербуллингу, как происходящие в реальной среде, а не в интернете (киберсреде). Термин «травля» будет использоваться для обозначения и традиционного буллинга, и кибербуллинга.

Как показано в работе индонезийского коллектива Z. Akbar и ее коллег, кибербуллинг представляет собой агрессивные действия одного или нескольких лиц в отношении другого лица, однако разнообразные формы взаимодействия в сети дали возможность появиться разнообразным формам кибербуллинга [2]. Там же ставится вопрос о необходимости выработать критерии кибербуллинга. Подробнее этот вопрос разбирается В. Л. Назаровым, Н. В. Авербух, Е. В. Бочкаревой, Д. А. Стрениным, N. E. Willard, P. K. Smith с соавторами [3–6], а также вопросы применимости критериев традиционного буллинга к кибербуллингу В. Л. Назаровым, Н. В. Авербух, E. Menesini с соавторами, P. Smith [3; 7; 8].

Кибербуллинг вызывает такие последствия, как значительно более высокий уровень невротизма у жертв по сравнению с невовлеченными учащимися (т. е. теми, кто не участвовал ни в качестве агрессоров, ни как жертвы), что показано L. Corcoran с соавторами [9], а также интернет-зависимость, депрессию и употребление психоактивных средств, как продемонстрировали M. Gamez-Guadix с соавторами [10].

Кибербуллинг подразумевает перенос преследования в сеть интернет, в среду, которая с конца XX века, по мнению В. Л. Назарова с соавторами, стала одним из основных источников информации для молодежи [11] и предоставляет принципиально новые возможности влияния на человека. Площадками для кибербуллинга могут являться такие интернет-платформы, как блог-платформы, социальные сети, видеохостинги и т. п., как было убедительно показано А. А. Бочавер и К. Д. Хломовой [12].

Как отмечают E. Hidayati с соавторами [13], S. K. Schneider с соавторами [14] в ряде случаев кибербуллинг связан с отношениями внутри школьного коллектива [13; 14]. D. M. Al-Badauneh с соавторами обращают внимание на тот факт, что кибербуллинг часто связывается с самыми разнообразными социальными проблемами, например, с проблемами эмиграции, воспитания в полной или неполной семье, пристрастия к алкоголю или курению, наркоманией и воровством [15].

J. J. Dooley с соавторами отмечают, что «награда» за участие в кибербуллинге на стороне преследователя часто задерживается (в отличие от личных взаимодействий в случае традиционного буллинга) [16].

В работах А. А. Бочавер и К. Д. Хломова [12], Е. А. Бенгиной и С. А. Гришаевой [17], Т. А. Дегтевой с соавторами [18] также установлено, что для кибербуллинга характерна анонимность, отсутствие обратной связи (что позволяет преследователю додумать реакцию жертвы по своему вкусу) и наличие неви-

димых свидетелей. Кибербуллинг может протекать скрыто от взрослых: дети склонны скрывать факт электронного насилия, опасаясь, что их лишат доступа к интернету [12; 17; 18].

При изучении кибербуллинга необходимо учитывать, что для молодежи интернет и реальная жизнь становятся единым целым, формируя электронную реальность, в которой кибербуллинг становится все более значимым явлением, как показали G. Marzano и V. Lubkina [19]. К ним присоединяются К. Yokotani и его коллеги: для лучшего понимания подростков необходимо учитывать не только их реальную жизнь, но и их «кибержизнь», их активность в интернете, в том числе возможную ситуацию кибербуллинга [20].

Классические роли буллинга: чистые хулиганы (преследователи), чистые жертвы и преследователи-жертвы, введенные D. Olweus, были перенесены им на кибербуллинг [21]. Такое же деление можно увидеть в работе Г. У. Солдатовой и А. Н. Ярминой [22]. Кроме того, важной является роль свидетеля: свидетели могут присоединиться к кибербуллингу или заступиться за жертву, как показано в работе J. Rappaport с соавторами [23]. Дистантность кибербуллинга усиливает «эффект свидетеля»: свидетели травли превращаются в молчаливых наблюдателей происходящего, которые не вмешиваются в сложившуюся напряженную ситуацию, как показано в статье Г. У. Солдатовой, Е. Н. Львовой, И. Д. Пермяковой [24].

Кибербуллинг оказывает такое влияние на жертву, как снижение самооценки жертвы, депрессивные нарушения, как показано D. Hou [25], N. Agustini с соавторами [26] и I. Kamanthi [27], развитие суицидальных мыслей и попыток самоубийства N. Agustini с соавторами [26], I. Kamanthi [27], тревогу, грусть, страх, смущение, гнев, прогулы, снижение успеваемости, повышенную склонность к насилию над другими, школьному насилию [27].

Жертвы кибербуллинга отличаются сниженным уровнем эмоционального контроля, а также высоким уровнем групповой зависимости, как показано Н. В. Власовой и Е. Л. Буслаевой, которые изучали психологический профиль жертв и преследователей кибербуллинга с помощью опросника 16PF Кеттелла [28].

Важнейшим вопросом в рассматриваемой нами проблеме является готовность жертвы защищать себя в ходе кибербуллинга.

Q. Chen с соавторами [29], адаптировав для Китая методику исследования стратегий преодоления кибербуллинга, выделяют 8 стратегий преодоления кибербуллинга: технологическое решение (блокирование преследователя и т. п.), рефрейминг (переосмысление), игнорирование, диссоциация (восприятие кибербуллинга так, будто они происходят не с данным субъектом), когнитивное избегание, поведенческое избегание (прекращение посещения проблемного интернет-ресурса, избегание встреч с преследователем и т. п.), поиск поддержки, противостояние (разговор с преследователем в интернете или в реальности), возмездие (последующее нападение на преследователя, осуществляемое в реальности или в интернете). Как можно увидеть, данная стратегия

смешивает внутренние состояния жертвы (диссоциация, рефрейминг, когнитивное избегание) и поведенческие реакции (технологические решения, поведенческое избегание и т. п.).

Кроме того, этот перечень стратегий отличается от классического, на который обычно принято опираться, когда говорят о копинг-стратегиях, то есть о способах справиться со стрессом, с опорой на опросник совладания со стрессом «COPE», как, например, в отечественной работе Е. В. Зинченко и А. А. Алтыновой [30].

Q. Chen с соавторами показали, что предыдущий опыт участия в кибербуллинге в роли жертвы отрицательно связан с использованием такой копинг-стратегии как возмездие и положительно – со стратегией когнитивного избегания [29].

Если с ролью жертвы связывают в первую очередь вопросы последствий, то с ролью свидетеля на первый план выходит сторона, которую он занимает. Присоединится ли он к преследователю, останется равнодушным или предпочтет помочь жертве?.. Усилия преследователя сосредоточены на жертве, однако настоящей целью является свидетель, его мнение и реакция. Свидетель выступает зрителем кибербуллинга, и от его позиции зависит то, будет ли кибербуллинг продолжаться или данная ситуация не получит развития [25].

К стратегиям свидетелей, согласно данным J. Rannmarorn и соавторов, относятся: (а) готовность вмешаться или помочь жертвам; (б) игнорирование кибербуллинга; (в) участие в кибербуллинге [23].

Этот подход можно сравнить с подходом Е. В. Бочкаревой и Д. А. Стренина, в котором свидетели кибербуллинга подразделяются на подстрекателей, аутсайдеров, которые молча наблюдают, и защитников [4].

Готовность свидетеля помочь подробно рассматривается S. Bastiaensens и ее коллегами в 2014 г. [31] и в 2019 г. [32].

В работе того же коллектива 2018 года [33] высказывается предположение, что положительное поведение сторонних наблюдателей при кибербуллинге среди подростков может эффективно уменьшить кибербуллинг и его вред для жертвы. В исследовании участвовали 1979 подростков из 7–9 классов 16 школ и 158 классов. Согласно результатам этого исследования, стремление свидетеля помочь жертве в большей степени было связано с ожиданием положительного результата их действий. Также готовности выступить на стороне жертвы способствовала организация информационных дней, посвященных проблемам кибербуллинга. Негативное поведение, т. е. выбор стороны преследователя, был связан с исходными намерениями свидетеля осуществить негативное поведение, положительным отношением к пассивному игнорированию и отсутствием навыков (социальных, эмпатических, совладания) [33]. Согласно L. N. Jenkins с соавторами, на вмешательство свидетеля в травлю на стороне жертвы влияет тип травли и дружба с жертвой [34].

Как показали Y. Zeng с соавторами, на готовность свидетеля кибербуллинга вмешаться на стороне жертвы влияет позитивное самораскрытие жертвы в

интернете, тогда как негативное самораскрытие снижает готовность помочь и приводит к виктимблеймингу [35].

Как показано в работе J. Panumarorn с соавторами [23], в кибербуллинг на стороне жертвы наиболее охотно вмешивались те свидетели, которые либо сами были жертвами кибербуллинга, либо знали, что кибербуллинг происходит с друзьями или родственниками, а также у них были высокие показатели родительской привязанности. Свидетели кибербуллинга, происходящего с широкой публикой, игнорировали кибербуллинг. Согласно J. Panumarorn респонденты, которые указали, что они были хулиганами, были более склонны присоединяться к кибербуллингу, чем те, кто этого не делал [23].

Наличие большой аудитории снижает готовность свидетеля вмешаться на стороне жертвы, как показано М. Obermaier и ее соавторами. При этом люди тем более склонны вмешиваться, чем серьезней ситуация травли [36]. Как показано S. Wang и К. J. Kim, на готовность свидетелей помогать жертве кибербуллинга могут влиять различные факторы, такие как травматический опыт самих свидетелей, связанный с травлей в прошлом. По мнению S. Wang и К. J. Kim также особое влияние оказывает эмпатический стресс, вызванный наблюдением за кибербуллингом [37].

Однако в работе S. Rabian [38] с соавторами показано, что эмпатия свидетеля, уже наблюдавшего кибербуллинг в прошлом, снижается по отношению к жертвам кибербуллинга в настоящем.

Методология, материалы и методы

В качестве теоретической предпосылки данной работы использовалась деятельностная концепция. За основу были взяты такие подходы как деятельностная характерология С. Л. Рубинштейна [39], культурно-историческая концепция Выготского [40], теория деятельностного опосредствования межличностных отношений А. В. Петровского [40], теория ведущих тенденций Л. Н. Собчик [41].

Для поиска теоретических источников была использована международная база ResearchGate. Поиск производился по ключевым словам, например, использовались словосочетания «факторы кибербуллинга», «роли кибербуллинга», «свидетели кибербуллинга» и т. п. другие на русском и английском языках. Также использовался поиск по обзору рассматриваемых работ: в случае, если в рамках той или иной научной работы была приведена ссылка на значимые результаты в той же области, осуществлялся поиск упомянутой работы. Предпочтение отдавалось наиболее поздним статьям, а также наиболее релевантно отвечающим условиям поиска.

Кибербуллинг представляет собой отношения, складывающиеся в специфической среде, в электронной виртуальной среде общения, в которой существуют свои нормы и правила, в том числе и нормы и правила придания статуса изгоя одному из членов коллектива. Однако виртуальная среда – внешние условия, которые, согласно деятельностной характерологии С. Л. Рубинштейна

[39], опосредуются внутренними, то есть свойствами и состояниями личности. Согласно Л. Н. Собчик [41], из широчайшего спектра впечатлений об окружающем мире каждый человек присущим именно ему индивидуальным способом восприятия выбирает и осваивает определенную информацию, акцентируя свое внимание на одних явлениях и пренебрегая другими. В рамках данной работы в сфере внимания оказался такой аспект личности, как типы межличностного поведения, выделенные в рамках опросника диагностики межличностных отношений (ДМО) [41].

Определенные типы и стратегии, согласно культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, формируются у личности, исходя из внешнего опыта, усвоенного в предыдущих межличностных отношениях [40], что соответствует и теории деятельностного опосредствования межличностных отношений А. В. Петровского, согласно которой взаимные симпатии и антипатии группы представляют собой внешний, поверхностный слой, от которого зависит более глубокий слой отношений, продиктованных целями и задачами совместной деятельности и зависящих от уровня непосредственных отношений [40]. Участие в кибербуллинге, как и реакция на наблюдаемую травлю в интернете, связаны с непосредственными отношениями и проявляемыми в них свойствами личности. В работе [41] приводятся качества личности, с которыми связаны те или иные типы межличностных отношений (октанты).

I октант «Властный – лидирующий», согласно исследованием Л. Н. Собчик, связан с такими факторами методик 16 PF Кеттелла, как А, F2, Е, F, F4, М факторам: экстраверсия, доминирование, независимость, практичность. II октант «Независимый – доминирующий» связан с Е, Q2, Н, I факторами методики 16 PF Кеттелла: доминирование, самодостаточность, решительность, мягкость. III октант «Прямолинейный – агрессивный» связан с Q1, Н, Q4 факторами методики 16 PF Кеттелла: радикализм, самостоятельность, смелость, спонтанность. IV октант «Недоверчивый – скептический» связан с L и М факторами методики 16 PF Кеттелла: подозрительность, скептицизм. V октант «Покорный – застенчивый» связан с А, М, F2, F4 факторами методики 16 PF Кеттелла: замкнутость, мнительность, интроверсия, зависимость. VI октант «Зависимый – послушный» связан с F1, G, О факторами методики 16 PF Кеттелла: тревожность, повышенный самоконтроль, повышенное чувство вины. VII октант «Сотрудничающий – конвенциональный» связан с F1, G, С, Q2, F3 факторами методики 16 PF Кеттелла: тревожность, невротический сверхконтроль, слабое «Я», зависимость от мнения группы, чувствительность. VIII октант «Ответственный – великодушный» связан с А, I, F2, Q4, L факторами методики 16 PF Кеттелла: эмоциональная теплота, мягкость, экстравертированность, нефрустрированность, доверчивость [41].

В данном исследовании используется метод опроса в форме онлайн-анкетирования. В исследовании принял участие 251 школьник 5–11 классов. Возрастные характеристики респондентов: от 11 до 18 лет. Распределение респондентов по половому признаку: девочки – 59 %, мальчики – 41 %.

Участникам исследования был предложен опрос, касающийся их участия в кибербуллинге в конкретной роли (жертва, агрессор, подстрекатель, рядовой участник, свидетель). В контексте данной статьи под свидетелями понимаются нейтральные свидетели или свидетели, приходящие на помощь жертве. Респонденты оценивали степень своего участия в кибербуллинге в той или иной роли по шкале «Никогда – Редко – Часто – Всегда», которая была впоследствии переведена в баллы от 0 («Никогда») до 3 («Всегда»). Данные вопросы будут обозначаться «вопросы-дискриминаторы». Вопросы разных блоков (блок вопросов жертвам, блок вопросов агрессором и т. п.) задавались независимо друг от друга и связь между участием в разных ролях не исследовалась. Тем респондентам, которые давали отличный от 0 («Никогда») ответ, предлагалось ответить на последующие вопросы. В сфере исследовательского внимания будут находиться ответы на вопросы касательно особенностей поведения жертв и свидетелей кибербуллинга:

- Способы противодействия кибербуллингу со стороны жертв и свидетелей: Прекращение травли с помощью прямой просьбы к преследователям прекратить, блокировки (бана) преследователей, жалоб родителям, жалоб педагогам, жалоб администраторам интернет-ресурса, а также предложение жертве травли помощи, предложение жертве травли моральной поддержки, отсутствие попыток прекратить травлю;

- Способы защиты в конкретных эпизодах кибербуллинга со стороны жертвы или свидетеля: разворачивание конфликта в интернете, аргументированная дискуссия в интернете, перенос конфликта в реальность и переход к физическому столкновению с преследователем, перенос конфликта в реальность и переход к аргументированной дискуссии, отказ от защиты.

Как и в предыдущих исследованиях, кибербуллинг был разделен на внутришкольный, при котором участниками являются члены одного коллектива, и внешкольный, при котором участниками являются люди, незнакомые в реальности между собой.

Кроме авторского опросника об участии в кибербуллинге, респондентам предлагалось пройти опросник ДМО Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик для определения предпочтительного типа межличностного общения [41].

В рамках данного исследования использовались такие методы математической статистики, как коэффициент корреляции Пирсона, коэффициент точно-бисериальной корреляции.

Результаты исследования

В таблице 1 представлены результаты ответов на вопросы-дискриминаторы: количество ответивших «Редко», «Часто» и «Всегда», процент ответивших «Редко», «Часто» и «Всегда», а также средняя оценка ответов на эти вопросы.

Таблица 1

Количество и процент представленности представителей ролей жертвы и свидетеля внутришкольного и внешкольного кибербуллинга (ответивших хотя бы «иногда» при ответе на вопросы-дискриминаторы опросника), а также средняя оценка участия в той или иной роли респондентами

Table 1

The number and percentage of representatives of the victim and bystander roles of school based and non-school based cyberbullying (who answered at least “sometimes” when answering the questionnaire), as well as the average assessment of participation in a particular role by respondents

Роли, указанные респондентами / Roles indicated by respondents	Внутришкольный кибербуллинг / School based cyberbullying			Внешкольный кибербуллинг / Non-school based cyberbullying		
	Количество / Quantity	Процент / Percent	Средняя оценка / Average rating	Количество / Quantity	Процент / Percent	Средняя оценка / Average rating
Жертва / Victim	42	16,73 %	0,23	20	7,97 %	0,12
Свидетель / Bystander	44	17,53 %	0,23	13	5,18 %	0,08

Как видно из таблицы 1, наиболее велик процент свидетелей внутришкольного кибербуллинга, за ним следует процент жертв внутришкольного кибербуллинга. Ниже всего процент свидетелей внешкольного кибербуллинга.

Стратегии прекращения травли жертв и свидетелей кибербуллинга

Далее была рассмотрена частота представленности конкретных методов защиты от кибербуллинга, к которым прибегали жертвы и свидетели кибербуллинга (таблица 2). Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа на вопрос.

Таблица 2

Частота использования жертвами и свидетелями конкретного способа прекращения травли в случае внутришкольного и внешкольного кибербуллинга (в процентах)

Table 2

The frequency of victims and bystanders using a specific method of stopping school based and non-school based cyberbullying (as a percentage)

Способ прекращения кибербуллинга жертвой или свидетелем / The victim's or bystander's way of stopping cyberbullying	Внутришкольный кибербуллинг / School cyberbullying (%)		Внешкольный кибербуллинг / Non-school cyberbullying (%)	
	Жертва / Victim n = 42	Свидетель / Bystander n = 44	Жертва / Victim n = 20	Свидетель / Bystander n = 13
Прекращение травли с помощью прямой просьбы к преследователям прекратить / Stopping bullying by directly asking the bullies to stop	47,62	31,82	55	7,69

Прекращение травли с помощью игнорирования преследователя (только жертвы) / <i>Stopping bullying by ignoring the bully (only victims)</i>	57,14	–	60	–
Прекращение травли с помощью блокировки (бана) преследователей / <i>Stopping bullying by blocking (banning) bullies</i>	50,00	25,00	55	53,85
Прекращение травли с помощью жалоб родителям / <i>Stopping bullying by complaining to parents</i>	33,33	4,55	30	7,69
Прекращение травли с помощью жалоб педагогам / <i>Stopping bullying by complaining to teachers</i>	11,90	6,82	5	15,38
Прекращение травли с помощью жалоб администраторам интернет-ресурса / <i>Stopping bullying by complaining to Internet resource administrators</i>	14,29	9,09	15	15,38
Прекращение травли с чьей-то помощью (только жертвы) / <i>Stopping bullying with someone's help (only victims)</i>	7,14	–	0	–
Предложение жертве травли помощи (только свидетели) / <i>Offering help to the victim of bullying (only bystanders)</i>	–	27,27	–	23,08
Предложение жертве травли моральной поддержки (только свидетели) / <i>Offering the victim of bullying moral support (only bystanders)</i>	–	29,55	–	30,77
Прекращение травли с помощью смены класса (только жертвы) / <i>Stopping bullying by changing classes (only bystanders)</i>	11,90	–	–	–
Отсутствие попыток прекратить травлю / <i>No attempts to stop the bullying</i>	21,43	43,18	15	61,54

Как следует из таблицы 2, среди жертв наиболее высокий процент набрал вариант «Прекращение травли с помощью игнорирования преследователя». Среди свидетелей наиболее высокий процент набрал вариант «отсутствие попыток», но у свидетелей внешкольного кибербуллинга такой ответ давало более половины респондентов, а у свидетелей внутришкольного кибербуллинга – все-таки менее половины. Интересно также, что свидетели внешкольного кибербуллинга чаще выбирали пожаловаться на преследователя и реже – обратиться к преследователю прямую просьбу прекратить травлю, чем свидетели внутришкольного кибербуллинга.

Следующим вопросом были действия жертвы и свидетеля в конкретных эпизодах кибербуллинга, реакция на отдельные неприятные эпизоды, события, в рамках которых респондент воспринимал ситуацию как агрессию со стороны преследователя. Результаты (в процентах) представлены в таблице 3.

Таблица 3
Процент видов стратегий поведения жертвы и свидетеля в конкретных эпизодах внутришкольного и внешкольного кибербуллинга

Table 3
Percentage of types of victim and bystander behaviour strategies in specific episodes of school based and non-school based cyberbullying

Стратегия поведения в конкретном эпизоде кибербуллинга / Strategy of behaviour in a specific episode of cyberbullying	Внутришкольный кибербуллинг / School cyberbullying (%)		Внешкольный кибербуллинг / Non-school cyberbullying (%)	
	Жертва / Victim n = 42	Свидетель / Bystander n = 44	Жертва / Victim n = 20	Свидетель / Bystander n = 13
Разворачивание конфликта в интернете / Evolution of conflict on the Internet	28,57	20,45	25	7,69
Аргументированная дискуссия в интернете / Reasoned discussion on the Internet	45,24	25,00	50	38,46
Перенос конфликта в реальность и переход к физическому столкновению с преследователем / Transferring the conflict into reality and transition to a physical confrontation with the pursuer	16,67	6,82	25	23,08
Перенос конфликта в реальность и переход к аргументированной дискуссии / Transferring the conflict to reality and transition to a reasoned discussion	28,57	22,73	35	30,77
Отказ от защиты / Refusal of protection	52,38	52,27	25	61,54

Результаты, отраженные в таблице 3, свидетельствуют, что жертвы внешкольного кибербуллинга чаще, чем жертвы внутришкольного кибербуллинга (в большем проценте случаев) высказывали склонность ко всем стратегиям защиты, за исключением разворачивания конфликта в интернете и отказа от защиты. В то же время свидетели внешкольного кибербуллинга чаще, чем участники исследования, указавшие на другие роли в кибербуллинге, высказывали склонность ко всем стратегиям (включая отказ от защиты), за исключением разворачивания конфликта в интернете. Также жертвы чаще, чем свидетели, прибегали ко всем стратегиям, исключая отказ от защиты.

Значимые связи типов межличностного поведения и способов прекращения кибербуллинга

Была рассчитана корреляция между способами прекращения кибербуллинга, выбираемыми жертвами и свидетелями, и типами межличностного взаимодействия. Результаты корреляции представлены в таблицах 4–7.

Таблица 4

Корреляции, рассчитанные с помощью критерия точечно-бисериальной корреляции, между октантами опросника Лири, соответствующим типам межличностного поведения и способами прекращения кибербуллинга выбираемыми жертвами внутришкольного кибербуллинга

Table 4

Correlations calculated using the point-biserial correlation criterion between the octants of the Leary questionnaire corresponding to types of interpersonal behaviour and the ways of stopping of cyberbullying chosen by victims of school cyberbullying

Способ прекращения кибербуллинга жертвой / <i>The victim's way of stopping cyberbullying</i>	Номера октантов / <i>Octant numbers</i>							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Прекращение травли с помощью прямой просьбы к преследователям прекратить / <i>Stopping bullying by directly asking the bullies to stop</i>	-0,05	-0,10	0,05	0,12	0,03	-0,16	0,08	0,01
Прекращение травли с помощью игнорирования преследователя / <i>Stopping bullying by ignoring the bully</i>	0,06	0,08	0,00	0,06	0,05	0,08	-0,27	-0,14
Прекращение травли с помощью блокировки (бана) преследователей / <i>Stopping bullying by blocking (banning) bullies</i>	0,04	0,08	0,07	0,07	-0,01	-0,04	0,13	-0,12
Прекращение травли с помощью жалоб родителям / <i>Stopping bullying by complaining to parents</i>	-0,06	-0,07	-0,05	-0,04	-0,07	0,08	0,04	0,02
Прекращение травли с помощью жалоб педагогам / <i>Stopping bullying by complaining to teachers</i>	-0,05	-0,02	0,01	0,03	0,01	0,23	-0,09	-0,03
Прекращение травли с помощью жалоб администраторам интернет-ресурса / <i>Stopping bullying by complaining to Internet resource administrators</i>	-0,06	0,00	0,04	0,03	-0,04	0,08	-0,01	-0,05
Прекращение травли с чьей-то помощью / <i>Stopping bullying with someone's help</i>	-0,10	-0,15	-0,16	-0,09	-0,04	-0,06	-0,06	-0,18
Прекращение травли с помощью смены класса / <i>Stopping bullying by changing classes</i>	-0,17	0,05	-0,01	0,12	0,14	0,15	-0,03	-0,06
Отсутствие попыток прекратить травлю / <i>No attempts to stop the bullying</i>	-0,14	-0,10	0,03	0,02	0,08	0,06	-0,18	-0,01

Примечание. $n = 42$. Критическое значение корреляции $r_{\text{крит.}} = 0,304$ при $p < 0,05$.

Note. $n = 42$. The critical value of the correlation $r_{\text{crit.}} = 0,304$, $p < 0,05$.

Как следует из таблицы 4, между типами межличностного поведения и способами прекращения кибербуллинга, к которым прибегали жертвы внутришкольного кибербуллинга, нет значимых связей.

Таблица 5

Корреляции, рассчитанные с помощью критерия точечно-бисериальной корреляции, между октантами опросника Лири, соответствующим типам межличностного поведения и способами прекращения кибербуллинга выбираемыми жертвами внешкольного кибербуллинга

Table 5

Correlations calculated using the point-biserial correlation criterion between the octants of the Leary questionnaire corresponding to types of interpersonal behaviour and the ways of stopping of cyberbullying chosen by victims of non-school cyberbullying

Способ прекращения кибербуллинга жертвой / <i>The victim's way of stopping cyberbullying</i>	Номера октантов / <i>Octant numbers</i>							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Прекращение травли с помощью прямой просьбы к преследователям прекратить / <i>Stopping bullying by directly asking the bullies to stop</i>	0,41	0,22	0,30	0,38	0,34	0,08	0,19	0,01
Прекращение травли с помощью игнорирования преследователя / <i>Stopping bullying by ignoring the bully</i>	0,25	0,08	0,09	0,29	0,09	-0,22	0,16	0,03
Прекращение травли с помощью блокировки (бана) преследователей / <i>Stopping bullying by blocking (banning) bullies</i>	-0,10	0,13	0,30	0,11	0,18	0,26	0,19	0,21
Прекращение травли с помощью жалоб родителям / <i>Stopping bullying by complaining to parents</i>	0,29	0,32	0,03	-0,10	0,35	0,26	0,33	0,40
Прекращение травли с помощью жалоб педагогам / <i>Stopping bullying by complaining to teachers</i>	-0,07	-0,13	-0,25	-0,22	-0,20	-0,24	-0,23	-0,03
Прекращение травли с помощью жалоб администраторам интернет-ресурса / <i>Stopping bullying by complaining to Internet resource administrators</i>	-0,09	0,35	0,04	0,09	0,28	0,33	0,44	0,17
Прекращение травли с чьей-то помощью / <i>Stopping bullying with someone's help</i>	–	–	–	–	–	–	–	–
Отсутствие попыток прекратить травлю / <i>No attempts to stop the bullying</i>	-0,28	0,00	0,09	0,24	0,06	-0,12	0,08	-0,12

Примечание. $n = 20$. Критическое значение корреляции $r_{\text{крит.}} = 0,444$ при $p < 0,05$.

Note. $n = 20$. The critical value of the correlation $r_{\text{crit.}} = 0,444$, $p < 0,05$.

Как следует из таблицы 5, между типами межличностного поведения и способами прекращения кибербуллинга, к которым прибегали жертвы внешкольного кибербуллинга, нет значимых связей.

Таблица 6

Корреляции, рассчитанные с помощью критерия точечно-бисериальной корреляции, между октантами опросника Лири, соответствующим типам межличностного поведения и способами прекращения кибербуллинга выбираемыми свидетелями внутришкольного кибербуллинга

Table 6

Correlations calculated using the point-biserial correlation criterion between the octants of the Leary questionnaire corresponding to types of interpersonal behaviour and the ways of stopping of cyberbullying chosen by bystanders of school cyberbullying

Способ прекращения кибербуллинга свидетелем / The bystander's way of stopping cyberbullying	Номера октантов / Octant numbers							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Прекращение травли с помощью прямой просьбы к преследователям прекратить / Stopping bullying by directly asking the bullies to stop	0,00	-0,14	-0,10	-0,11	0,16	-0,04	0,23	0,08
Прекращение травли с помощью блокировки (бана) преследователей / Stopping bullying by blocking (banning) bullies	0,04	0,15	0,22	0,04	0,11	0,23	0,10	0,14
Прекращение травли с помощью жалоб родителям / Stopping bullying by complaining to parents	-0,15	-0,06	0,06	0,02	-0,08	-0,04	-0,05	-0,13
Прекращение травли с помощью жалоб педагогам / Stopping bullying by complaining to teachers	-0,08	-0,07	-0,14	-0,14	-0,16	0,02	-0,24	-0,19
Прекращение травли с помощью жалоб администраторам интернет-ресурса / Stopping bullying by complaining to Internet resource administrators	-0,03	0,08	0,06	0,08	0,21	0,30	0,30	0,28
Предложение жертве травли помощи / Offering help to the victim of bullying	0,16	0,01	0,03	0,04	0,14	0,00	0,12	0,03
Предложение жертве травли моральной поддержки / Offering the victim of bullying moral support	0,25	0,13	0,19	0,13	0,05	-0,05	0,31	0,16
Отсутствие попыток прекратить травлю / No attempts to stop the bullying	-0,06	0,17	0,11	0,14	0,00	-0,04	-0,20	0,01

Примечание. $n = 44$. Критическое значение корреляции $r_{\text{крит.}} = 0,297$ при $p < 0,05$.

Note. $n = 44$. The critical value of the correlation $r_{\text{crit.}} = 0,297$, $p < 0,05$.

Как следует из таблицы 6, существует корреляция, значимая для первого уровня значимости, между:

- Прекращением травли свидетелем внутришкольного кибербуллинга с помощью обращения к администрации интернет-ресурса – и VI октантом «Зависимый – послушный», а также VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный»;
- Предложением жертве кибербуллинга моральной поддержки со стороны свидетеля внутришкольного кибербуллинга – и VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный».

Обращает на себя внимание тот факт, что вмешательство во внутришкольный кибербуллинг связано с конформными типами поведения, для которых характерна зависимость от мнения группы.

Таблица 7

Корреляции, рассчитанные с помощью критерия точечно-бисериальной корреляции, между октантами опросника Лири, соответствующим типам межличностного поведения и способами прекращения кибербуллинга выбираемыми свидетелями внешкольного кибербуллинга

Table 7

Correlations calculated using the point-biserial correlation criterion between the octants of the Leary questionnaire corresponding to types of interpersonal behaviour and the ways of stopping of cyberbullying chosen by bystanders of non-school cyberbullying

Способ прекращения кибербуллинга свидетелем / <i>The bystander's way of stopping cyberbullying</i>	Номера октантов / <i>Octant numbers</i>							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Прекращение травли с помощью прямой просьбы к преследователям прекратить / <i>Stopping bullying by directly asking the bullies to stop</i>	-0,04	0,10	0,03	-0,15	-0,20	-0,31	0,16	0,21
Прекращение травли с помощью блокировки (бана) преследователей / <i>Stopping bullying by blocking (banning) bullies</i>	-0,01	0,32	-0,01	0,03	0,00	0,27	0,34	-0,03
Прекращение травли с помощью жалоб родителям / <i>Stopping bullying by complaining to parents</i>	0,02	0,42	0,03	0,18	0,61	0,36	0,37	0,54
Прекращение травли с помощью жалоб педагогам / <i>Stopping bullying by complaining to teachers</i>	0,21	-0,41	-0,41	-0,03	-0,23	-0,06	-0,28	-0,33
Прекращение травли с помощью жалоб администраторам интернет-ресурса / <i>Stopping bullying by complaining to Internet resource administrators</i>	-0,01	0,07	-0,15	-0,15	-0,08	0,14	0,47	-0,09
Предложение жертве травли помощи / <i>Offering help to the victim of bullying</i>	-0,14	0,33	0,12	0,04	0,26	-0,08	0,25	0,33
Предложение жертве травли моральной поддержки / <i>Offering the victim of bullying moral support</i>	0,26	0,67	0,54	0,23	0,53	0,29	0,50	0,67
Отсутствие попыток прекратить травлю / <i>No attempts to stop the bullying</i>	0,23	-0,04	0,15	0,31	-0,06	0,19	-0,12	-0,16

Примечание. $n = 13$. Критическое значение корреляции $r_{\text{крит.}} = 0,553$ при $p < 0,05$.

Note. $n = 13$. The critical value of the correlation $r_{\text{crit.}} = 0,553$, $p < 0,05$.

Как следует из таблицы 7, существует корреляция, значимая для первого уровня значимости, между:

- Предложением жертве кибербуллинга моральной поддержки со стороны свидетеля внешкольного кибербуллинга – и II октантом «Независимый – доминирующий», а также VIII октантом «Ответственный – великодушный»;
- Прекращением кибербуллинга с помощью жалоб родителям со стороны свидетеля внешкольного кибербуллинга – и V октантом «Покорный – застенчивый».

Обращает на себя внимание тот факт, что вмешательство в ситуацию внешкольного кибербуллинга связано не только с конформными, но и с неконформным типом межличностного поведения.

Была рассчитана корреляция между способами защиты жертвы в конкретных эпизодах травли, выбираемыми жертвами и свидетелями, и типами межличностного взаимодействия. Результат приводится в таблицах 8–11.

Таблица 8

Корреляции, рассчитанные с помощью критерия точечно-бисериальной корреляции, между октантами опросника Лири, соответствующим типам межличностного поведения и и способами защиты в конкретных эпизодах внутришкольного кибербуллинга, выбираемыми жертвами внутришкольного кибербуллинга

Table 8

Correlations calculated using the point-biserial correlation criterion between the octants of the Leary questionnaire corresponding to types of interpersonal behaviour and methods of protection in specific episodes of school cyberbullying chosen by victims of school cyberbullying

Стратегия поведения в конкретном эпизоде кибербуллинга / <i>Strategy of behaviour in a specific episode of cyberbullying</i>	Номера октантов / <i>Octant numbers</i>							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Разворачивание конфликта в интернете / <i>Evolution of conflict on the Internet</i>	0,04	0,14	0,00	0,09	0,07	-0,01	0,02	0,05
Аргументированная дискуссия в интернете / <i>Reasoned discussion on the Internet</i>	0,19	0,13	0,21	0,30	0,15	0,15	0,31	0,35
Перенос конфликта в реальность и переход к физическому столкновению с преследователем / <i>Transferring the conflict into reality and transition to a physical confrontation with the pursuer</i>	0,05	0,15	-0,01	0,10	0,18	0,38	-0,05	0,00
Перенос конфликта в реальность и переход к аргументированной дискуссии / <i>Transferring the conflict to reality and transition to a reasoned discussion</i>	-0,05	0,01	-0,05	0,02	0,27	0,15	-0,18	-0,02
Отказ от защиты / <i>Refusal of protection</i>	-0,27	-0,22	-0,14	0,01	-0,09	-0,20	-0,16	-0,25

Примечание. $n = 42$. Критическое значение корреляции $r_{\text{крит.}} = 0,304$ при $p < 0,05$.

Note. $n = 42$. The critical value of the correlation $r_{\text{crit.}} = 0,304$, $p < 0,05$.

Как следует из таблицы 8, существует корреляция, значимая для первого уровня значимости, между:

- Обращением жертвы внутришкольного кибербуллинга к аргументированной дискуссии, разворачиваемой в интернете, чтобы защититься во время конкретного эпизода, – и VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный», а также VIII октантом «Ответственный – великодушный»;
- Переносом конфликта в реальность с последующим переходом к физическому столкновению – и VI октантом «Зависимый – послушный».

Обращает на себя внимание, что действия в конкретных эпизодах внутришкольного кибербуллинга связаны только с конформными октантами, а также что более настроенные на сотрудничество октанты склонны пытаться разрешить вопрос в ходе аргументированной дискуссии, тогда как более тревожный скорее склонен переходить к физическим способам настоять на своем.

Таблица 9

Корреляции, рассчитанные с помощью критерия точечно-бисериальной корреляции, между октантами опросника Лири, соответствующим типам межличностного поведения и способами защиты в конкретных эпизодах внешкольного кибербуллинга, выбираемыми жертвами внешкольного кибербуллинга

Table 9

Correlations calculated using the point-biserial correlation criterion between the octants of the Leary questionnaire corresponding to types of interpersonal behaviour and methods of protection in specific episodes of non-school cyberbullying chosen by victims of non-school cyberbullying

Стратегия поведения в конкретном эпизоде кибербуллинга / Strategy of behaviour in a specific episode of cyberbullying	Номера октантов / Octant numbers							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Разворачивание конфликта в интернете / Evolution of conflict on the Internet	-0,05	-0,13	-0,13	-0,09	-0,33	-0,29	-0,25	-0,08
Аргументированная дискуссия в интернете / Reasoned discussion on the Internet	0,63	0,57	0,44	0,39	0,50	0,28	0,80	0,43
Перенос конфликта в реальность и переход к физическому столкновению с преследователем / Transferring the conflict into reality and transition to a physical confrontation with the pursuer	-0,02	-0,09	-0,13	0,01	0,02	0,29	0,08	-0,08
Перенос конфликта в реальность и переход к аргументированной дискуссии / Transferring the conflict to reality and transition to a reasoned discussion	-0,03	-0,06	-0,20	-0,31	0,04	-0,10	0,02	-0,02
Отказ от защиты / Refusal of protection	-0,39	-0,23	-0,05	-0,09	-0,25	-0,29	-0,50	-0,27

Примечание. $n = 20$. Критическое значение корреляции $r_{\text{крит.}} = 0,444$ при $p < 0,05$.

Note. $n = 20$. The critical value of the correlation $r_{\text{crit.}} = 0,444$, $p < 0,05$.

Как следует из таблицы 9, существует корреляция, значимая для первого уровня значимости, между:

- Обращением жертвы внешкольного кибербуллинга к аргументированной дискуссии, разворачиваемой в интернете, чтобы защититься во время конкретного эпизода, – I октантом «Властный – лидирующий», II октантом «Независимый – доминирующий», V октантом «Покорный – застенчивый», а также VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный»;
- Отказом от защиты – и VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный» (отрицательная связь).

Интерес представляет тот факт, что защита себя с помощью аргументированной дискуссии в интернете связана как с конформными, так и неконформными октантами. Связь отказа от защиты с VII октантом можно объяснить тем, что такая стратегия – это своеобразный отказ от сотрудничества, от взаимодействия, и, следовательно, чем больше ученик настроен на сотрудничество, тем менее он настроен ничего не делать в ходе конфликта.

Таблица 10

Корреляции, рассчитанные с помощью критерия точечно-бисериальной корреляции, между октантами опросника Лири, соответствующим типам межличностного поведения и способами защиты жертвы в конкретных эпизодах внутришкольного кибербуллинга, выбираемыми свидетелями внутришкольного кибербуллинга

Table 10

Correlations calculated using the point-biserial correlation criterion between the octants of the Leary questionnaire corresponding to types of interpersonal behaviour and ways to protect the victim in specific episodes of school based cyberbullying, chosen by bystanders of school based cyberbullying

Стратегия поведения в конкретном эпизоде кибербуллинга / Strategy of behaviour in a specific episode of cyberbullying	Номера октантов / Octant numbers							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Разворачивание конфликта в интернете / Evolution of conflict on the Internet	-0,10	-0,04	0,00	-0,07	0,13	0,23	0,23	0,03
Аргументированная дискуссия в интернете / Reasoned discussion on the Internet	0,28	0,17	0,15	0,22	0,18	0,15	0,14	0,08
Перенос конфликта в реальность и переход к физическому столкновению с преследователем / Transferring the conflict into reality and transition to a physical confrontation with the pursuer	-0,03	0,05	0,03	0,11	0,24	0,29	0,06	0,10
Перенос конфликта в реальность и переход к аргументированной дискуссии / Transferring the conflict to reality and transition to a reasoned discussion	0,20	0,28	0,37	0,29	0,17	0,26	0,19	0,14
Отказ от защиты / Refusal of protection	-0,09	0,06	-0,01	-0,07	-0,20	-0,08	-0,27	-0,08

Примечание. $n = 44$. Критическое значение корреляции $r_{\text{крит.}} = 0,297$ при $p < 0,05$.

Note. $n = 44$. The critical value of the correlation $r_{\text{crit.}} = 0,297$, $p < 0,05$.

Как следует из таблицы 10, существует корреляция, значимая для первого уровня значимости, между переносом свидетелем внутришкольного кибербуллинга конфликта в реальность с последующим разворачиванием аргументированной дискуссии – и III октантом «Прямолинейный – агрессивный».

Обращает на себя внимание тот факт, что в случае, когда защиту в конкретном эпизоде осуществляет свидетель внутришкольного кибербуллинга, а не сама жертва, его активность связана с неконформным октантом.

Таблица 11

Корреляции, рассчитанные с помощью критерия точечно-бисериальной корреляции, между октантами опросника Лири, соответствующим типам межличностного поведения и способами защиты жертвы в конкретных эпизодах внешкольного кибербуллинга, выбираемыми свидетелями внешкольного кибербуллинга

Table 11

Correlations calculated using the point-biserial correlation criterion between the octants of the Leary questionnaire corresponding to types of interpersonal behaviour and ways to protect the victim in specific episodes of non-school based cyberbullying, chosen by bystanders of non-school based cyberbullying

Стратегия поведения в конкретном эпизоде кибербуллинга / Strategy of behaviour in a specific episode of cyberbullying	Номера октантов / Octant numbers							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Разворачивание конфликта в интернете / Evolution of conflict on the Internet	-0,21	-0,01	0,12	0,02	0,00	-0,17	-0,14	-0,23
Аргументированная дискуссия в интернете / Reasoned discussion on the Internet	0,13	0,27	-0,05	0,23	0,17	0,11	0,45	0,10
Перенос конфликта в реальность и переход к физическому столкновению с преследователем / Transferring the conflict into reality and transition to a physical confrontation with the pursuer	0,30	-0,02	-0,22	0,09	-0,06	0,26	0,38	-0,22
Перенос конфликта в реальность и переход к аргументированной дискуссии / Transferring the conflict to reality and transition to a reasoned discussion	0,36	0,73	0,39	0,23	0,47	0,44	0,85	0,74
Отказ от защиты / Refusal of protection	0,13	-0,33	0,00	0,08	-0,17	-0,03	-0,56	-0,22

Примечание. $n = 13$. Критическое значение корреляции $r_{\text{крит.}} = 0,553$ при $p < 0,05$, $r_{\text{крит.}} = 0,684$ при $p < 0,01$.

Note. $n = 13$. The critical value of the correlation $r_{\text{crit.}} = 0,553$, $p < 0,05$, $r_{\text{crit.}} = 0,684$, $p < 0,01$.

Как следует из таблицы 11:

- Существует корреляция, значимая для второго уровня значимости, между переносом свидетелем внешкольного кибербуллинга конфликта в реальность с последующим разворачиванием аргументированной дискуссии – и II октантом «Независимый – доминирующий», VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный» и VIII октантом «Ответственный – великодушный»;

- Существует отрицательная корреляция, значимая для первого уровня значимости, между отказом от защиты жертвы со стороны свидетеля внешкольного кибербуллинга – и VII октантом «Сотрудничающий – конвенционный».

В данном случае защита жертвы связана как с неконформным, так и с конформными октантами, а отказ от защиты негативно связан с конформным, нацеленным на сотрудничество.

Обсуждение

При рассмотрении роли жертвы в кибербуллинге в основном изучается проблема влияния травли на жертву кибербуллинга. Как правило, речь идет о поведенческих и психических проблемах, провоцируемых кибербуллингом [25; 27; 28]. Также ставится вопрос взаимосвязи опыта участия в кибербуллинге в роли жертвы и особенностей личности жертвы [26]. Стратегии жертвы, однако, тоже исследуются, в то же время при их рассмотрении можно увидеть подход, в котором стратегии преодоления стресса смешиваются с конкретными технологическими решениями [29].

Согласно рассмотренной литературе, свидетели кибербуллинга могут приходить на помощь жертве, присоединяться к преследователям или занимать нейтральную позицию [4; 23]. В рамках данного исследования свидетели, поддерживающие агрессора, были отнесены к одной из категорий преследователей, поэтому в настоящей статье рассматриваются только свидетели, помогающие жертве и свидетели, занимающие нейтральную позицию. В изученной литературе много внимания уделяется причинам, по которым свидетели кибербуллинга приходят на помощь жертве [23; 25, 31–38].

Изучение выбираемых свидетелями стратегий поведения в случае кибербуллинга показывает, что среди респондентов, указавших на опыт наблюдения за кибербуллингом со стороны (свидетелей кибербуллинга), большинство выбрало стратегию невмешательства, став, таким образом, нейтральными свидетелями. Интерес представляет тот факт, что среди свидетелей внешкольного кибербуллинга заметно более высокий процент испытуемых, чем среди свидетелей внутришкольного, обращался за помощью к родителям, педагогам и администраторам ресурса. Также свидетели внешкольного кибербуллинга чаще прибегали к блокировке преследователей, чтобы защитить жертву. При этом свидетели внутришкольного кибербуллинга чаще, чем свидетели внешкольного, обращались к преследователям с прямой просьбой прекратить. Это легко объяснить тем, что все участники внутришкольного кибербуллинга учатся в одном учебном заведении, даже в одном классе, и между ними существуют налаженные социальные отношения и способы коммуникации.

Также был поставлен вопрос, к каким действиям прибегают жертвы и свидетели не в отношении кибербуллинга в целом, а в каждом конкретном эпизоде травли в интернете. Примерно половина жертв внутришкольного, свидетелей и внутришкольного, и внешкольного кибербуллинга выбрали отказ от

защиты в случае травли, однако процент жертв внешкольного кибербуллинга, выбравших эту же стратегию, заметно ниже: всего 25 %. Кроме отказа от защиты, жертвы предпочитают отвечать на агрессию в интернете аргументированной дискуссией, разворачиваемой в интернете же, особенно жертвы внешкольного кибербуллинга. При этом достаточно велик процент и желающих развернуть дискуссию в реальности. К этой стратегии охотно прибегают и жертвы, и свидетели внешкольного кибербуллинга, хотя для них перенос разговора в реальность требует определенного сближения с преследователем, до начала кибербуллинга им, возможно, вовсе незнакомым.

Наименее популярен вариант переноса конфликта в реальность с последующим переходом к физическому столкновению, однако эта наименьшая популярность ярче всего проявляется среди свидетелей внутришкольного кибербуллинга (6,82 %). Жертвы внешкольного кибербуллинга указывали на такой вариант чаще, чем жертвы внешкольного (25 % против 16 %), свидетели внешкольного кибербуллинга указали на него в 23 %. Возможно, переход к физическому столкновению остается на словах, поэтому к нему охотней прибегают жертвы и свидетели внешкольного кибербуллинга, а, возможно, на их решение оказывает отсутствие устойчивых социальных связей с преследователем, фактически, возможно, они не испытывают опасений, что физическое столкновение с преследователем отразится на их положении в классе, поскольку во внешкольном кибербуллинге преследователь не имеет отношения к школьному сообществу.

Стратегии жертв

Для того чтобы наглядно представить взаимосвязи между психологическими параметрами и параметрами кибербуллинга (в которые был также включен ответ на вопрос-дискриминатор), были построены корреляционные плеяды, см. рисунки 1–4. На рисунке 1 представлена корреляционная плеяда, описывающая связь между типами межличностного поведения и параметрами кибербуллинга для выборки жертв внутришкольного кибербуллинга.

Для удобства восприятия на рисунках используются номера октантов без подписей, также используются следующие обозначения: «П» – параметр относится к способам прекращения кибербуллинга, «З» – к способам защиты в конкретных эпизодах кибербуллинга. Подробную расшифровку (касающуюся также стратегий жертв и свидетелей внутри- и внешкольного кибербуллинга) можно увидеть в таблице 12.

Таблица 12

Расшифровка обозначений, используемых в корреляционных плеядах

Table 12

Decoding the notation used in correlation pleiades

Параметр кибербуллинга / <i>The cyberbullying parameter</i>	Обозначение на рисунке / <i>The designation in the figure</i>	Параметр кибербул- линга / <i>The cyberbullying parameter</i>	Обозначение на рисунке / <i>The designation in the figure</i>
Прекращение травли с помо- щью прямой просьбы к пресле- дователям прекратить / <i>Stopping bullying by directly asking the bullies to stop</i>	П. Просьба / <i>P. Request</i>	Прекращение травли с чь- ей-то помощью / <i>Stopping bullying with someone's help</i>	П. Помощь извне / <i>P. Outside help</i>
Прекращение травли с помо- щью игнорирования пресле- дователя / <i>Stopping bullying by ignoring the bully</i>	П. Игнор / <i>P. Ignore</i>	Прекращение травли с помощью смены класса / <i>Stopping bullying by changing classes</i>	П. Смена класса / <i>P. Change of class</i>
Прекращение травли с помо- щью блокировки (бана) пресле- дователей / <i>Stopping bullying by blocking (banning) bullies</i>	П. Бан / <i>P. Ban</i>	Отсутствие попыток прекратить травлю / <i>No attempts to stop the bullying</i>	П. Без попыток / <i>P. Without trying</i>
Прекращение травли с помо- щью жалоб родителям / <i>Stopping bullying by complaining to parents</i>	П. Жалобы ро- дителям / <i>P. Complaints to parents</i>	Разворачивание конфлик- та в интернете / <i>Evolution of conflict on the Internet</i>	3. интернет-ссора / <i>Z. Internet quarrel</i>
Прекращение травли с помо- щью жалоб педагогам / <i>Stopping bullying by complaining to teachers</i>	П. Жалобы пе- дагогам / <i>P. Complaints to teachers</i>	Аргументированная дис- куссия в интернете / <i>Reasoned discussion on the Internet</i>	3. интернет-аргу- менты / <i>Z. Internet arguments</i>
Прекращение травли с помо- щью жалоб администраторам интернет-ресурса / <i>Stopping bullying by complaining to Internet resource administrators</i>	П. Жалобы админам / <i>P. Complaints to admins</i>	Перенос конфликта в ре- альность и переход к фи- зическому столкновению с преследователем / <i>Transferring the conflict into reality and transition to a physical confrontation with the pursuer</i>	3. Реал-драка / <i>Z. Real fight</i>
Предложение жертве травли по- мощи / <i>Offering help to the victim of bullying</i>	П. Предложе- ние помощи / <i>P. Offer of help</i>	Перенос конфликта в ре- альность и переход к аргу- ментированной дискуссии / <i>Transferring the conflict to reality and transition to a reasoned discussion</i>	3. Реал-аргументы / <i>Z. Real arguments</i>
Предложение жертве трав- ли моральной поддержки / <i>Offering the victim of bullying moral support</i>	П. Моральная поддержка / <i>P. Moral support</i>	Отказ от защиты / <i>Refusal of protection</i>	3. Никак / <i>Z. No way</i>

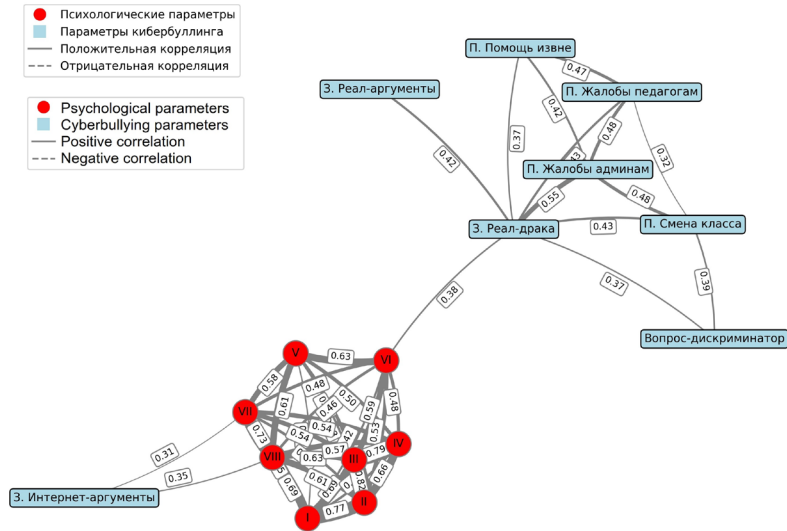

Рис. 1*. Корреляционная матрица значимых связей типов межличностного поведения и параметров кибербуллинга в выборке жертв внутришкольного кибербуллинга, $n = 42$.

Fig. 1*. Significant relationships between types of interpersonal behaviour and cyberbullying parameters in a sample of victims of school based cyberbullying, $n = 42$.

*Примечание. Расшифровка обозначений рисунка 1 приведена в таблице 12.

*Note. The explanation of the designation in Figure 1 is given in Table 12.

Из рисунка 1 особенно хорошо видно, что с использованием тех или иных методов защиты в конкретных эпизодах кибербуллинга только конформные типы межличностного поведения. Достаточно объяснить тот факт, что два октанта, нацеленных на сотрудничество, связаны с использованием аргументированной дискуссии в интернете, тогда как октант, основной особенностью которого является зависимость от мнения группы, связан с переходом к реальному физическому взаимодействию, которое, в свою очередь, связано с

разнообразными методами прекращения кибербуллинга и защитами в случае конкретных эпизодов.

На рисунке 2 представлена корреляционная плеяда, описывающая связь между типами межличностного поведения и параметрами кибербуллинга для выборки жертв внешкольного кибербуллинга. Прослеживается та же связь типа межличностного поведения с использованием аргументированной дискуссии в интернете в качестве защиты от конкретных эпизодов кибербуллинга. Однако на этот раз с этим способом связан только один из конформных октантов, VII «Сотрудничающий – конвенциональный».

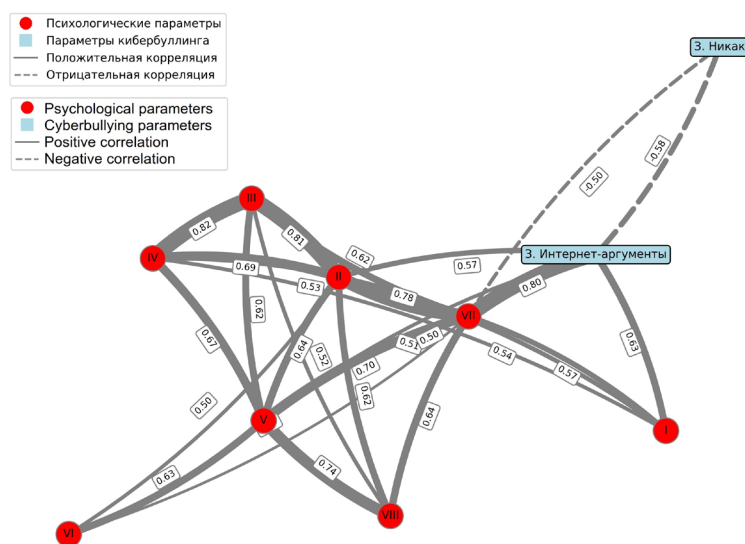

Рис. 2*. Корреляционная матрица значимых связей типов межличностного поведения и параметров кибербуллинга в выборке жертв внешкольного кибербуллинга, $n = 20$.

Fig. 2*. Significant relationships between types of interpersonal behaviour and cyberbullying parameters in a sample of victims of non-school based cyberbullying, $n = 20$.

* Примечание. Расшифровка обозначений рисунка 2 приведена в таблице 12.

* Note. The explanation of the designation in Figure 2 is given in Table 12.

Также с использованием аргументированной дискуссии в интернете связаны неконформные октанты, I октант «Властный – лидирующий» и II октант

«Независимый – доминирующий». Как показала в своей работе Л.Н. Собчик, оба они связаны с доминированием [41]. Возможно, это качество ведет к тому, что жертва выбирает наиболее конструктивный тип выхода из конфликтной ситуации.

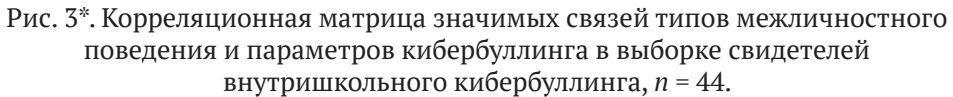
Кроме того, отказ от защиты отрицательно связан с VIII октантом «Ответственный – великодушный». Поскольку, согласно Л.Н. Собчик, этот тип межличностного поведения связан с такими качествами, как эмоциональная теплота, мягкость, экстравертированность, нефрустрированность, доверчивость [41], можно предположить, что, чем больше у жертвы внешкольного кибербуллинга склонности проявлять эти личностные черты, чем более она нацелена на конструктивное взаимодействие, тем менее она склонна уходить от конфликта, не защищаясь в случае конкретного эпизода кибербуллинга.

Таким образом, в выборках жертв внутри- и внешкольного кибербуллинга существует связь между типом межличностного поведения и использованием аргументированной дискуссии в качестве защиты от конкретных эпизодов кибербуллинга, однако у жертв внутришкольного кибербуллинга этот вид защиты связан только с конформным октантом, а у жертв внешкольного – также с неконформными.

Стратегии свидетелей

На рисунке 3 представлена корреляционная плеяда, описывающая связь между типами межличностного поведения и параметрами кибербуллинга для выборки свидетелей внутришкольного кибербуллинга.

Можно ясно увидеть, что использование аргументированной дискуссии в интернете не связано с тем или иным типом межличностного поведения для выборки свидетелей внутришкольного кибербуллинга. При этом III октант «Прямолинейный – агрессивный» связан с аргументированной дискуссией в реальности с целью защиты жертвы внутришкольного кибербуллинга. Согласно Л. Н. Собчик, этот тип межличностного поведения связан с такими личностными чертами, как радикализм, самостоятельность, смелость, спонтанность [41]. По всей видимости, они могут способствовать тому, чтобы свидетель внутришкольного кибербуллинга активно вмешивался в ситуацию травли в интернете. Выбор среды (реальное общение, а не дискуссия в интернете) может быть связан с тем, что конфликт так или иначе протекает в классе, и наблюдающему со стороны может быть, при выраженности III октанта, проще вмешаться с помощью разговора лицом к лицу.

*Note. The explanation of the designation in Figure 3 is given in Table 12.

На рисунке 4 представлена корреляционная плеяда, описывающая связь между типами межличностного поведения и параметрами кибербуллинга для выборки свидетелей внешкольного кибербуллинга.

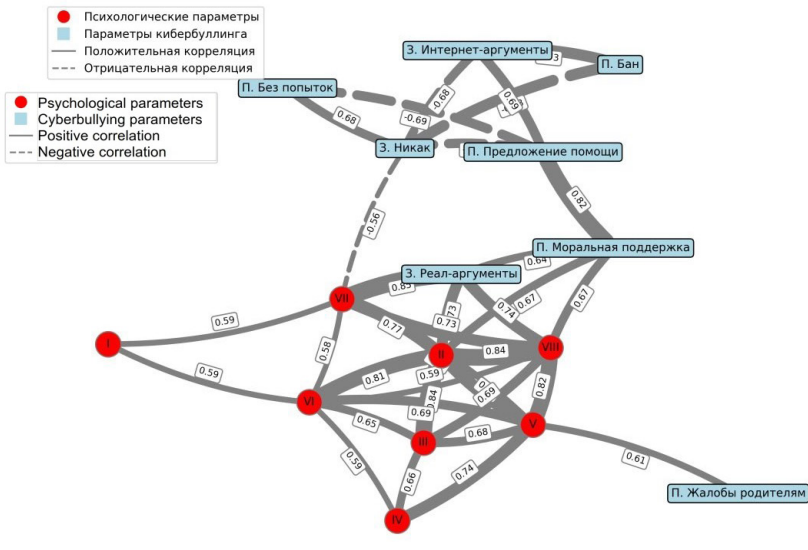

Рис.4*. Корреляционная матрица значимых связей типов межличностного поведения и параметров кибербуллинга в выборке свидетелей внутришкольного кибербуллинга, $n = 13$.

Fig. 4*. Significant relationships between types of interpersonal behaviour and cyberbullying parameters in a sample of victims of school based cyberbullying, $n = 13$.

*Примечание. Расшифровка обозначений рисунка 4 приведена в таблице 12.

*Note. The explanation of the designation in Figure 1 is given in Table 12.

Переход к аргументированной дискуссии в реальности также связан с типом межличностного поведения, но на этот раз не только с неконформными, но и с конформными октантами. Также предложение моральной поддержки связано с конформным, VIII октантом, и с неконформным, II октантом «Независимый – доминирующий». Согласно Л. Н. Собчик, этот октант, кроме таких личностных черт как доминирование, самодостаточность, решительность, отличает также и мягкость [41], что может объяснить склонность предлагать моральную поддержку.

V октант «Покорный – застенчивый», который, согласно Л. Н. Собчик, отличает замкнутость, мнительность, интроверсия, зависимость [41], связан с обращением к родителям в случае наблюдения за внешкольным кибербуллингом, а VII октант «Сотрудничающий – конвенциональный» – отрицательно свя-

зан с отказом от защиты жертвы, что объяснимо, с учетом того, что данный октант связан, кроме прочего, с тенденцией к сотрудничеству [41].

Можно увидеть, что в выборках свидетелей, в отличие от выборок жертв, напротив, более активные действия при внутришкольном кибербуллинге связаны с неконформными октантами, а при внешкольном – с конформными.

Заключение

В данной статье рассмотрены вопросы кибербуллинга. В сфере внимания авторов жертвы и свидетели кибербуллинга, а также стратегии их поведения и связь с типом межличностного поведения, изучаемая на основе методики ДМО Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик. Будет ли жертва пытаться защищаться? Станет ли свидетель защищать жертву? Какие типы межличностного поведения связаны с тем или иным выбором жертвы или свидетеля?

Традиционный подход к изучению жертвы кибербуллинга делает упор на ее беспомощности и опасности, которая угрожает жертве и ее здоровью в связи с кибербуллингом. Вопросы же защиты традиционно относят к позиции свидетеля, который может вступить или не вступить за жертву. Когда говорится о способах преодоления кибербуллинга со стороны жертвы, в ряде случаев смешиваются действия жертвы, направленные вовне, и психологические стратегии совладания, направленные на восстановление субъективного психологического благополучия. В данной работе рассматриваются стратегии поведения, то есть направленных вовне действий, к которым может прибегать жертва или свидетель.

В отличие от большинства рассмотренных статей, в данной работе в продолжении предыдущих исследований кибербуллинг разделяется на внутришкольный и внешкольный, поскольку в первом случае речь идет о переносе в интернет внутренних отношений внутри сложившегося коллектива, а во втором случае сталкиваются принципиально незнакомые люди.

Была установлена связь между избираемыми способами защиты и самозащиты в случае систематической травли и отдельных эпизодов кибербуллинга со стороны жертв и свидетелей и типом межличностного поведения, что подтверждает гипотезу данной работы.

Как выяснилось, способы самозащиты жертвы от кибербуллинга в целом (то есть действия, которые жертва совершает, чтобы прекратить систематическую и планомерную травлю в интернете) не связаны с типами межличностного поведения, поэтому они не рассматривались в рамках данной работы.

Однако есть связь между способами защиты жертвы в отдельных эпизодах внутришкольного кибербуллинга и типами межличностного поведения:

- Обращение жертвы внутришкольного кибербуллинга к аргументированной дискуссии, разворачиваемой в интернете, чтобы защититься во время конкретного эпизода, связано с VII октантом «Сотрудничающий – конвенционный», а также с VIII октантом «Ответственный – великодушный»;

- Перенос конфликта в реальность с последующим переходом к физическому столкновению связан с VI октантом «Зависимый – послушный».

Также есть связь между способами защиты жертвы в отдельных эпизодах внешкольного кибербуллинга и типами межличностного поведения:

- Обращение жертвы внешкольного кибербуллинга к аргументированной дискуссии, разворачиваемой в интернете, чтобы защититься во время конкретного эпизода, связано с I октантом «Властный – лидирующий», II октантом «Независимый – доминирующий», V октантом «Покорный – застенчивый», а также с VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный»;

- Отказ от защиты связан с VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный» (отрицательная связь).

Таким образом, в выборках жертв внутри- и внешкольного кибербуллинга существует связь между типом межличностного поведения и использованием аргументированной дискуссии в качестве защиты от конкретных эпизодов кибербуллинга, однако у жертв внутришкольного кибербуллинга этот вид защиты связан только с конформными октантами, а у жертв внешкольного – также с неконформными.

Способы защиты свидетелем жертвы от внутришкольного кибербуллинга в целом имеют связи с типами межличностного поведения:

- Прекращение травли свидетелем внутришкольного кибербуллинга с помощью обращения к администрации интернет-ресурса связано с VI октантом «Зависимый – послушный», а также с VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный»;

- Предложение жертве кибербуллинга моральной поддержки со стороны свидетеля внутришкольного кибербуллинга связано с VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный».

Обращает на себя внимание тот факт, что вмешательство во внутришкольный кибербуллинга связано с конформными типами поведения, для которых характерна зависимость от мнения группы.

Способы защиты жертвы свидетелем от конкретных эпизодов внутришкольного кибербуллинга также имеют связи с типом межличностного поведения:

- Перенос свидетелем внутришкольного кибербуллинга конфликта в реальность с последующим разворачиванием аргументированной дискуссии связан с III октантом «Прямолинейный – агрессивный».

Обращает на себя внимание тот факт, что в случае, когда защиту в конкретном эпизоде осуществляет свидетель внутришкольного кибербуллинга, а не сама жертва, его активность связана с неконформным октантом.

Способы защиты свидетелем жертвы от внешкольного кибербуллинга в целом имеют связи с типами межличностного поведения:

- Предложение жертве кибербуллинга моральной поддержки со стороны свидетеля внешкольного кибербуллинга связано с II октантом «Независимый – доминирующий», а также с VIII октантом «Ответственный – великодушный»;

- Прекращение кибербуллинга с помощью жалоб родителям со стороны свидетеля внешкольного кибербуллинга связано с V октантом «Покорный – застенчивый».

Обращает на себя внимание тот факт, что вмешательство в ситуацию внешкольного кибербуллинга связано не только с конформными, но и с неконформным типом межличностного поведения.

Способы защиты жертвы свидетелем от конкретных эпизодов внешкольного кибербуллинга также имеют связи с типом межличностного поведения:

- Перенос свидетелем внешкольного кибербуллинга конфликта в реальность с последующим разворачиванием аргументированной дискуссии связан с II октантом «Независимый – доминирующий», VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный», а также с VIII октантом «Ответственный – великодушный»;

- Отказом от защиты жертвы со стороны свидетеля внешкольного кибербуллинга отрицательно связан с VII октантом «Сотрудничающий – конвенциональный».

В выборках свидетелей, в отличие от выборок жертв, напротив, более активные действия при внутришкольном кибербуллинге связаны с неконформными октантами, а при внешкольном – с конформными.

Это подтверждает гипотезу относительно связи между выбранной ролевой стратегией при участии в кибербуллинге и типом межличностного поведения. Результаты исследования показывают связь между конформными и неконформными типами межличностного поведения и способами самозащиты жертвы и защиты жертвы свидетелем, которые выбирают участники кибербуллинга.

Данные наблюдения могут быть напрямую использованы в диагностике фактов кибербуллинга, а также могут помочь педагогам на общеметодическом и практическом уровне формировать стратегию предотвращения / преодоления внутришкольного кибербуллинга, что определяет практическую значимость проводимого исследования. Как видно, особенно подверженными кибербуллингу могут быть представители неконформных октантов, которые, возможно, не покажутся педагогу уязвимыми к травле. Также видно, что неконформные октанты в большой степени склонны к аргументированной дискуссии в интернете и в реальной жизни, что позволит купировать начавшийся кибербуллинг с опорой на их особенности.

Список использованных источников

1. Кутузова Д.А. Травля в школе: что это такое и что можно с этим делать. *Журнал практического психолога*. 2007; 1:72–90. Режим доступа: <http://lib.mgppu.ru/opacunicode/index.php?url=/notices/index/IdNotice:47529/Source:default#> (дата обращения: 10.04.2024).
2. Akbar Z., Putri T.T., Aisyawati M.S. Cyberbullying: definition and measurement in adolescent – literature review. *Humanities & Social Sciences Reviews*. 2020;8(4):18–26. doi:10.18510/hssr.2020.843

3. Назаров В.Л., Авербух Н.В. Традиционный буллинг и кибербуллинг: стратегии свидетелей. *Образование и наука*. 2023;25(9):80–117. doi:10.17853/1994-5639-2023-9-80-117
4. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга. *Всероссийский криминологический журнал*. 2021;15(1):91–97. doi:10.17150/2500-4255.2021.15(1)
5. Willard N.E. *Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress*. Champaign, Illinois: Research Press; 2007. 311 p. Accessed April 01, 2024. <https://www.semanticscholar.org/paper/Cyberbullying-and-Cyberthreats%3A-Responding-to-the-Willard/369278ad3ea8e18223b923b6403e40cfd56d2e37>
6. Smith P.K., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Russell S., Tippett N. Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2008;49(4):376–385. doi:10.1111/j.1469-7610.2007.01846x
7. Menesini E., Nocentini A., Palladino B.E., Frisén A., Berne S., Ortega-Ruiz R., et al. Cyberbullying definition among adolescents: a comparison across six European countries. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2012;15(9):455–463. doi:10.1089/cyber.2012.0040
8. Smith P., Steffgen G. *Cyberbullying Through the New Media: Findings from an International Network*. London: Psychology Press; 2013. 320 p. doi:10.4324/9780203799079
9. Corcoran L., Connolly I., O'Moore M. Cyberbullying in Irish schools. An investigation of personality and self-concept. *The Irish Journal of Psychology*. 2012;33(4):153–165. doi:10.1080/03033910.2012.677995
10. Gamez-Guadix M., Orue I., Smith P.K., Calvete E. Longitudinal and reciprocal relations of cyberbullying with depression, substance use, and problematic internet use among adolescents. *Journal of Adolescent Health*. 2013;53(4):446–452. doi:10.1016/j.jadohealth.2013.03.030
11. Nazarov V.L., Gorbunov E.V., Kolegova N.S. Features of propaganda and manipulation in the modern information space of new media. In: *Proceeding XXIII International Conference "Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research" named after professor L.N. Kogan*; March 19–21, 2020; Ekaterinburg, Russia. Dubai: Knowledge E; 2021:246–253. doi:10.18502/kss.v5i2.8358
12. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. *Журнал Высшей школы экономики*. 2014;3:177–191. doi:10.17323/1813-8918-2014-3-178-191
13. Hidayati E., Cahyani C.T., Rahayu D.A., Mubin M.F., Nurhidayati T. The anticipation of schools bullying. *South East Asia Nursing Research*. 2020;2(4):25–31. doi:10.26714/seanr.2.4.2020.25-31
14. Schneider S.K., O'Donnell L., Stueve A., Coulter R.W.S. Cyberbullying, school bullying, and psychological distress: a regional census of high school students. *American Journal of Public Health*. 2012;102(1):171–177. doi:10.2105/AJPH.2011.300308
15. Al-Badayneh D.M., Ben Brik A., Elwakad A. A partial empirical test of the general strain theory on cyberbullying victimization among expatriate students. *Journal of Criminological Research, Policy and Practice*. 2023;10(1):35–52. doi:10.1108/JCRPP-03-2023-0013
16. Dooley J.J., Pyżalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: a theoretical and conceptual review. *Zeitschrift für Psychologie. Journal of Psychology*. 2009;217(4):182–188. doi:10.1027/0044-3409.217.4.182
17. Бенгина Е.А., Гришаева С.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка. *Вестник университета*. 2018;2:153–157. Режим доступа: https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/959?locale=ru_RU (дата обращения: 10.04.2024).
18. Дегтева Т.А., Моногарова Е.Г., Цветаева Т.М., Ильина В.С., Митряшкина Н.В. *Профилактика кибермоббинга и кибербуллинга в среде несовершеннолетних: методическое пособие*. Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф»; 2017. 81 с. Режим доступа: https://psycentr-algis.stv.socinfo.ru/media/2018/07/09/1241133441/sbornik_Kiberbulling_primer_s_tekstami_v_razdelax2.pdf (дата обращения: 28.11.2024).

19. Marzano G., Lubkina V. Cyberbullying and real reality. *Society. Integration. Education Proceedings of the International Scientific Conference*; May 24–25, 2013; Latvia, Rezekne. Vol. II. Latvia, Rezekne; 2013:412–422. doi:10.17770/sie2013vol2.598
20. Yokotani K., Ban N., Ayukawa J., Itakura N. Hasegawa K. Aftereffect of adolescences' experience of cyber bullying on their mental health: a retrospective survey. *International Journal of Brief Therapy and Family Science*. 2014;4(2):45–56. doi:10.35783/ijbf.4.2_45
21. Olweus D. School bullying: development and some important challenges. *Annual Review of Clinical Psychology*. 2013;9(1):751–780. doi:10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516
22. Солдатов Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания. *Национальный психологический журнал*. 2019;3(35):17–31. doi:10.11621/npj.2019.0303
23. Panumaporn J., Hongsanguansri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying. *General Psychiatry*. 2020;33(3):1–8. doi:10.1136/gpsych-2019-100187
24. Солдатов Г.У., Львова Е.Н., Пермькова И.Д. Феномены традиционного буллинга и кибербуллинга: сходства и различия. *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей и материалов международной конференции*; 14–17 февраля 2018, г. Коломна. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет; 2018:380–384. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35444364> (дата обращения: 04.12.2024).
25. Hou D. The factors, impact, and interventions of cyberbullying in schools. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*. 2023;8:345–353. doi:10.54097/ehss.v8i.4272
26. Agustini N., Yusuf A., Ahsan A., Fanani Q. The impact of bullying and cyberbullying on mental health: a systematic review. *International Journal of Public Health Science*. 2024;13(2):513–520. doi:10.11591/ijphs.v13i2.23683
27. Kamanthi I.P. Effect of cyberbullying on adolescents mental health: implication for education. *Research Invention Journal of Current Issues in Arts and Management*. 2024;3(1):26–31. Accessed December 04, 2024. <https://rijournals.com/wp-content/uploads/2024/05/RIJCIAM-3126-31-2024.pdf>
28. Власова Н.В., Буслаева Е.Л. Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва. *Психология и право*. 2023;13(3):56–71. doi:10.17759/psylaw.2023130305
29. Chen Q., Lu Z., Liu B. Validation of the Chinese version of the coping strategies for victims of cyberbullying scale. *BMC Psychology*. 2024;12(1):259:1–11. doi:10.1186/s40359-024-01766-x
30. Зинченко Е.В., Алтынова А.А. Копинг-стратегии одаренных подростков с разным уровнем субъективного контроля. *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2020;18(2):15–27. doi:10.21702/ncpb.2020.2.2
31. Bastiaensens S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders' behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully. *Computers in Human Behavior*. 2014;31:259–271. doi:10.1016/j.chb.2013.10.036
32. Bastiaensens S., van Cleemput K., Vandebosch H., Poels K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. “Were you cyberbullied? Let me help you.” Studying adolescents' online peer support of cyberbullying victims using thematic analysis of online support group fora. In: Vandebosch H., Green L., eds. *Narratives in Research and Interventions on Cyberbullying among Young People*. Cham: Springer; 2019:95–112. doi:10.1007/978-3-030-04960-7_7
33. DeSmet A., Bastiaensens S., Van Cleemput K., Poel K., Vandebosch H., Deboutte G., et al. The efficacy of the friendly attack serious digital game to promote prosocial bystander behavior in cyberbullying among young adolescents: a cluster-randomized controlled trial. *Computers in Human Behavior*. 2018;78:336–347. doi:10.1016/j.chb.2017.10.011

34. Jenkins L.N., Yang Y., Changlani S. Deconstructing prosocial bullying bystander actions. *Contemporary School Psychology*. 2022;27:593–605. doi:10.1007/s40688-022-00429-1
35. Zeng Y., Xiao J., Li D., Sun J., Zhang Q., Ma A., et al. The influence of victim self-disclosure on bystander intervention in cyberbullying. *Behavioral Sciences*. 2023;13(10):829. doi:10.3390/bs13100829
36. Obermaier M., Fawzi N., Koch T. Bystanding or standing by? How the number of bystanders affects the intention to intervene in cyberbullying. *New Media & Society*. 2016;18(8):1491–1507. doi:10.1177/1461444814563519
37. Wang S., Kim K.J. Effects of victimization experience, gender, and empathic distress on bystanders' intervening behavior in cyberbullying. *The Social Science Journal*. 2021;1:1–10. doi:10.1080/03623319.2020.1861826
38. Pabian S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., Bastiaensens S. Exposure to cyberbullying as a bystander: an investigation of desensitization effects among early adolescents. *Computers in Human Behavior*. 2016;62:480–487. doi:10.1016/j.chb.2016.04.022
39. Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии*. Санкт-Петербург: Питер; 2022. 720 с. Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005455612> (дата обращения: 10.04.2024).
40. Асмолов А.Г. *Психология личности: культурно-историческое понимание человека*. Москва: Смысл; 2019. 448 с. Режим доступа: <https://fictionbook.ru/static/trials/03/30/07/03300775.a4.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).
41. Собчик Л.Н. *Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики*. Санкт-Петербург: Издательство «Речь»; 2017. 479 с. Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002804413> (дата обращения: 10.04.2024).

References

1. Kutuzova D.A. Bullying at school: what is it and what can be done about it. *Zhurnal prakticheskogo psihologa = Journal of a Practical Psychologist*. 2007;1:72–90. (In Russ.) Accessed April 10, 2024. <http://lib.mgppu.ru/opacunicode/index.php?url=/notices/index/IdNotice:47529/Source:default#>
2. Akbar Z., Putri T. T., Aisyawati M.S. Cyberbullying: definition and measurement in adolescent – literature review. *Humanities & Social Sciences Reviews*. 2020;8(4):18–26. doi:10.18510/hssr.2020.843
3. Nazarov V.L., Averbukh N.V. Traditional bullying and cyberbullying: bystander strategies. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2023;25(9):80–117. (In Russ.) doi:10.17853/1994-5639-2023-9-80-117
4. Bochkareva E.V., Strenin D.A. Theoretical and legal aspects of cyberbullying. *Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal = Russian Journal of Criminology*. 2021;15(1):91–97. (In Russ.) doi: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97
5. Willard N.E. *Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress*. Champaign, Illinois: Research Press; 2007. 311 p. Accessed April 01, 2024. <https://www.semanticscholar.org/paper/Cyberbullying-and-Cyberthreats%3A-Responding-to-the-Willard/369278ad3ea8e18223b923b6403e40cfd56d2e37>
6. Smith P.K., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Russell S., Tippett N. Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2008;49(4):376–385. doi:10.1111/j.1469-7610.2007.01846x
7. Menesini E., Nocentini A., Palladino B.E., Frisén A., Berne S., Ortega-Ruiz R., et al. Cyberbullying definition among adolescents: a comparison across six European countries. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2012;15(9):455–463. doi:10.1089/cyber.2012.0040
8. Smith P., Steffgen G. *Cyberbullying Through the New Media: Findings from an International Network*. London: Psychology Press; 2013. 320 p. doi:10.4324/9780203799079

9. Corcoran L., Connolly I., O'Moore M. Cyberbullying in Irish schools. An investigation of personality and self-concept. *The Irish Journal of Psychology*. 2012;33(4):153–165. doi:10.1080/03033910.2012.677995
10. Gamez-Guadix M., Orue I., Smith P.K., Calvete E. Longitudinal and reciprocal relations of cyberbullying with depression, substance use, and problematic internet use among adolescents. *Journal of Adolescent Health*. 2013;53(4):446–452. doi:10.1016/j.jadohealth.2013.03.030
11. Nazarov V.L., Gorbunov E.V., Kolegova N.S. Features of propaganda and manipulation in the modern information space of new media. In: *Proceeding XXIII International Conference "Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research" named after professor L.N. Kogan*; March 19–21, 2020; Ekaterinburg, Russia. Dubai: Knowledge E; 2021:246–253. doi:10.18502/kss.v5i2.8358
12. Bochaver A.A., Hlomov K.D. Cyberbullying: harassment in the space of modern technologies. *Psychology. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki = Journal of the Higher School of Economics*. 2014;3:177–191. (In Russ.). doi:10.17323/1813-8918-2014-3-178-191
13. Hidayati E., Cahyani C.T., Rahayu D.A., Mubin M.F., Nurhidayati T. The anticipation of schools bullying. *South East Asia Nursing Research*. 2020;2(4):25–31. doi:10.26714/seanr.2.4.2020.25-31
14. Schneider S.K., O'Donnell L., Stueve A., Coulter R.W.S. Cyberbullying, school bullying, and psychological distress: a regional census of high school students. *American Journal of Public Health*. 2012;102(1):171–177. doi:10.2105/AJPH.2011.300308
15. Al-Badayneh D.M., Ben Brik A., Elwakad A. A partial empirical test of the general strain theory on cyberbullying victimization among expatriate students. *Journal of Criminological Research, Policy and Practice*. 2023;10(1):35–52. doi:10.1108/JCRPP-03-2023-0013
16. Dooley J.J., Pyżalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: a theoretical and conceptual review. *Zeitschrift fur Psychologie. Journal of Psychology*. 2009;217(4):182–188. doi:10.1027/0044-3409.217.4.182
17. Bengina E.A., Grishaeva S.A. Cyberbullying as a new form of danger to the psychological health of a teenager's personality. *Vestnik universiteta*. 2018;2:153–157. (In Russ.) Accessed April 10, 2024. https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/959?locale=ru_RU
18. Djogteva T.A., Monogarova E.G., Cvetaeva T.M., Il'ina V.S., Mitrjashkina N.V. *Profilaktika kiber-mobbinga i kiberbullinga v srede nesovershennoletnih = Prevention of Cyberbullying and Cyberbullying Among Minors*. Stavropol: Stavropol Publishing House Paragraph; 2017. 81 p. (In Russ.) Accessed November 28, 2024. https://psycentr-algis.stv.socinfo.ru/media/2018/07/09/1241133441/sbornik_Kiberbulling_primer_s_tekstami_v_razdelax2.pdf
19. Marzano G., Lubkina V. Cyberbullying and real reality. *Society. Integration. Education Proceedings of the International Scientific Conference*; May 24–25, 2013; Latvia, Rezekne. Vol. II. Latvia, Rezekne; 2013:412–422. doi:10.17770/sie2013vol2.598
20. Yokotani K., Ban N., Ayukawa J., Itakura N., Hasegawa K. Aftereffect of adolescences' experience of cyber bullying on their mental health: a retrospective survey. *International Journal of Brief Therapy and Family Science*. 2014;4(2):45–56. doi:10.35783/ijbf.4.2_45
21. Olweus D. School bullying: development and some important challenges. *Annual Review of Clinical Psychology*. 2013;9(1):751–780. doi:10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516
22. Soldatova G.U., Jarmina A.N. Cyberbullying: features, role structure, parent-child relationships and coping strategies. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal = National Journal of Psychology*. 2019;3(35):17–31. (In Russ.) doi:10.11621/npj.2019.0303
23. Panumaporn J., Hongsanguansri S., Atsariyasing W., Kiatrungrit K. Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying. *General Psychiatry*. 2020;33(3):1–8. doi:10.1136/gpsych-2019-100187

24. Soldatova G. U., L'vova, E. N., Permjakova, I. D. The phenomena of traditional bullying and cyberbullying: similarities and differences. In: Ershova R.V., ed. In: *Cifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka: Sbornik nauchnykh statej i materialov mezhdunarodnoj konferencii = Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development: A Collection of Scientific Articles and Materials of the International Conference*; 14–17 February, 2018; Kolomna. 2018; Kolomna: State University of Social Sciences and Humanities; 2018:380–384. (In Russ.) Accessed December 04, 2024. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35444364>
25. Hou D. The factors, impact, and interventions of cyberbullying in schools. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*. 2023;8:345–353. doi:10.54097/ehss.v8i.4272
26. Agustiniingsi N., Yusuf A., Ahsan A., Fanani Q. The impact of bullying and cyberbullying on mental health: a systematic review. *International Journal of Public Health Science*. 2024;13(2):513–520. doi:10.11591/ijphs.v13i2.23683
27. Kamanthi I.P. Effect of cyberbullying on adolescents mental health: implication for education. *Research Invention Journal of Current Issues in Arts and Management*. 2024;3(1):26–31. Accessed December 04, 2024. <https://rijournals.com/wp-content/uploads/2024/05/RIJCIAM-3126-31-2024.pdf>
28. Vlasova N.V., Buslaeva E.L. Cyberbullying in adolescence: bully and the victim. *Psihologija i pravo = Psychology and Law*. 2023;13(3):56–71. (In Russ.) doi:10.17759/psylaw.2023130305
29. Chen Q., Lu Z., Liu B., et al. Validation of the Chinese version of the coping strategies for victims of cyberbullying scale. *BMC Psychology*. 2024;1(1):259:1–11. doi:10.1186/s40359-024-01766-x
30. Zinchenko E.V., Altynova A.A. Coping strategies of gifted teenagers with different levels of subjective control. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik = North-Caucasian Psychological Bulletin*. 2020;18(2):15–27. (In Russ.) doi:10.21702/ncpb.2020.2.2
31. Bastiaensens S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders' behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully. *Computers in Human Behavior*. 2014;31:259–271. doi:10.1016/j.chb.2013.10.036
32. Bastiaensens S., van Cleemput K., Vandebosch H., Poels K., DeSmet A., De Bourdeaudhuij I. "Were you cyberbullied? Let me help you." Studying adolescents' online peer support of cyberbullying victims using thematic analysis of online support group fora. In: Vandebosch H., Green L., eds. *Narratives in Research and Interventions on Cyberbullying among Young People*. Cham: Springer; 2019:95–112. doi:10.1007/978-3-030-04960-7_7
33. DeSmet A., Bastiaensens S., Van Cleemput K., Poel K., Vandebosch H., Deboutte G., et al. The efficacy of the friendly attack serious digital game to promote prosocial bystander behavior in cyberbullying among young adolescents: a cluster-randomized controlled trial. *Computers in Human Behavior*. 2018;78:336–347. doi:10.1016/j.chb.2017.10.011
34. Jenkins L.N., Yang Y., Changlani S. Deconstructing prosocial bullying bystander actions. *Contemporary School Psychology*. 2022;27:593–605. doi:10.1007/s40688-022-00429-1
35. Zeng Y., Xiao J., Li D., Sun J., Zhang Q., Ma A., et al. The influence of victim self-disclosure on bystander intervention in cyberbullying. *Behavioral Sciences*. 2023;13(10):829. doi:10.3390/bs13100829
36. Obermaier M., Fawzi N., Koch T. Bystanding or standing by? How the number of bystanders affects the intention to intervene in cyberbullying. *New Media & Society*. 2016;18(8):1491–1507. doi:10.1177/1461444814563519
37. Wang S., Kim K.J. Effects of victimization experience, gender, and empathic distress on bystanders' intervening behavior in cyberbullying. *The Social Science Journal*. 2021;1:1–10. doi:10.1080/03623319.2020.1861826

38. Pabian S., Vandebosch H., Poels K., Van Cleemput K., Bastiaensens S. Exposure to cyberbullying as a bystander: an investigation of desensitization effects among early adolescents. *Computers in Human Behavior*. 2016;62:480–487. doi:10.1016/j.chb.2016.04.022
39. Rubinshtein S.L. *Osnovy obshhej psihologii = Fundamentals of General Psychology*. St. Petersburg: Publishing House Piter; 2022. 720 p. (In Russ.) Accessed April 10, 2024. <https://search.rsl.ru/ru/record/01005455612>
40. Asmolov A.G. *Psihologija lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie cheloveka = Personality Psychology: Cultural and Historical Understanding of a Person*. 5th ed. Moscow: Publishing House Smysl; 2019. 448 p. (In Russ.) Accessed April 10, 2024. <https://fictionbook.ru/static/trials/03/30/07/03300775.a4.pdf>
41. Sobchik L.N. *Psihologija individual'nosti. Teorija i praktika psihodiagnostiki = Psychology of Individuality. Theory and Practice of Psychodiagnostics*. St. Petersburg: Publishing House Rech'; 2017. 479 p. (In Russ.) Accessed April 10, 2024. <https://search.rsl.ru/ru/record/01002804413>

Информация об авторах:

Назаров Владимир Лазаревич – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры организации работы с молодежью Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор кафедры проектного управления в образовании Института развития образования Свердловской области, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0001-9236-161X. E-mail: v.l.nazarov@urfu.ru

Авербух Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры профессиональной педагогики и психологии Института психолого-педагогического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета; старший преподаватель учебно-научного центра «Информационная безопасность» Института радиоэлектроники и информационных технологий–РтФ, Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-8232-6711. E-mail: natalya_averbukh@mail.ru

Буйначева Анна Владиславовна – заведующий лабораторией кафедры филологии Специализированного учебно-научного центра Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0003-0985-825X. E-mail: a.v.buinacheva@urfu.ru

Вклад соавторов. Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; поступила после рецензирования 30.11.2024; принята к публикации 04.12.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Vladimir L. Nazarov – Dr. Sci. (Education), Associate Professor, Professor, Department of Organisation of Work with Youth, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; Professor, Department of Project Management in Education, Institute for Education Development of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0001-9236-161X. E-mail: v.l.nazarov@urfu.ru

Natalya V. Averbukh – Senior Lecturer, Department of Professional Pedagogy and Psychology, Institute of Psychological and Pedagogical Education, Russian State Vocational Pedagogical University; Senior Lecturer, Engineering School of Information Technologies, Telecommunications and Control Systems, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0002-8232-6711. E-mail: natalya_averbukh@mail.ru

Anna V. Buinacheva – Head of the Laboratory, Department of Philology, Specialised Educational and Scientific Centre, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0003-0985-825X. E-mail: a.v.buinacheva@urfu.ru

Contribution of the authors. The authors equally contributed to the present research.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 02.05.2024, revised 30.11.2024, accepted for publication 04.12.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.